

действия, имплицитно (а иногда и эксплицитно) используются метатекстовые экспликативные элементы: «рассмотрим, что/как/зачем он делает [в данном эпизоде]». Характерный пример представляет собой толкование к Мф. 4:12 в 14-й гомилии Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея в переводе старца Силуана и Максима Грека: *Оуслышавъ же ѿ, како ѿваннъ преданъ бы. ѿиде (ἀνεχώρησεν) въ галілею: вездѣ да .дѣ. Что ради ѿходитъ (ἀναχωρεῖ). пакы наказоуа насъ дрѣзостію прохѣйти искжшенми. но оустжпати и ѿходити. не бо оукоризна еже не помѣтати себе въ бѣдѣ, но еже въпадшѣ не стати доблественѣ. семѣ оубо наоучаа, и зависть юуденскѣю оутѣшаа. ѿходитъ (ἀναχωρεῖ) въ капернаоумъ. въспѣ оубо исплнѣна пррчество (РГБ, ТСЛ 96, XV в.)* — ‘Для чего Он опять удаляется? Для того чтобы научить нас не идти самим навстречу искушениям, но отступать и уклоняться от них. Не тот виновен, кто не бросается в опасности, но тот, кто в опасностях не имеет мужества. Итак, чтобы научить этому и укротить ненависть иудеев, Христос удаляется в Капернаум, исполняя пророчество’¹. Отметим, что в самом тексте, находящемся здесь в функции своего рода заголовка, наст. историческое не используется (в греческом употреблена форма аориста), однако оно появляется в толковании в соответствии с греческой формой наст. времени.

Таким образом, область функционирования наст. неактуального в толковой традиции весьма широка. Употребление этих форм отличается стабильностью, начиная с раннего периода развития церковнославянской книжности на Руси вплоть до появления серии толковых переводов XVII в.

Примечания

¹ https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_51/14#sel=10:2,10:52. Дата обращения 31.08.2018.

Список литературы

1. *Алексеев, А. А.* Текстология славянской Библии / А. А. Алексеев. — Санкт-Петербург, 1999.
2. *Бондарко, А. В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования / А. В. Бондарко. — Москва, 2005.
3. *Мишина, (Горбунова) Е. А.* Глагольные формы в географических описаниях по материалам восточнославянских памятников старшего периода (в сопоставлении с современными говорами) / Е. А. Мишина (Горбунова) // Вопросы русского языкознания. Русские диалекты: история и современность. — Вып. VII. — Москва, 1997. — С. 47—66.
4. *Мишина, Е. А.* Настоящее историческое в восточнославянских памятниках XI—XV вв. // Древние языки в системе университетского образования. Исследование и преподавание / Е. А. Мишина. — Москва, 2001. С. 197—212.
5. *Мишина, Е. А.* Настоящее узуальное и потенциальное в восточнославянских памятниках XI—XV вв. / Е. А. Мишина // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. — Москва, 2001. — С. 199—228.
6. *Пентковская, Т. В.* К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV в.: Чудовская редакция Нового Завета / Т. В. Пентковская. — Москва, 2009.
7. *Пентковская, Т. В.* Настоящее историческое в евангельской традиции на Руси / Т. В. Пентковская, Е. В. Федорова // Международная научная конференция «Русский глагол» (к 50-летию выхода в свет книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина): тезисы докладов. — Санкт-Петербург, 2017. — С. 115—116.
8. *Пичхадзе, А. А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект / А. А. Пичхадзе. — Москва, 2011.
9. *Сосновцева, Е. Г.* Житие Паисия Угличского как памятник русской региональной агиографии XVII—XVIII вв.: лингвотекстологическое исследование: дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Сосновцева. — Санкт-Петербург, 2013.
10. *Федорова, Е. В.* Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского в древнейшем славянском переводе: лингвотекстологический анализ: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Федорова. — Москва, 2017.
11. *Шатуновский, И. Б.* Проблемы русского вида / И. Б. Шатуновский. — Москва, 2009.

Л. Руволетто

Университет Ка Фоскари г. Венеции, Италия

luisa.ruvoletto@unive.it

ДВУВИДОВОСТЬ ГЛАГОЛА *БЕЖАТЬ* В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Статья посвящена изучению вопроса о двувидовости глагола *бежать* в значении «убегать / убежать» в современном русском языке при помощи анализа его деепричастных форм. Если рассматривать историю глагола, то использование форм аориста и причастия настоящего времени от *бѣжати* в ранних восточнославянских памятниках показывает его неохарактеризованность по виду, на которой основывается двувидовость современного глагола *бежать*.

Ruvoletto Luisa, Ca' Foscari University of Venice, Italy

luisa.ruvoletto@unive.it

The biaspectual verb *bežat'* from a diachronic perspective

The paper deals with the biaspectual verb *bežat'* («to run away») in Russian language. The use of the perfective gerund *bežav* confirms that the verb continues to be used in perfective contexts. From a diachronic perspective some forms of aorist and present participle of *běžati* attested in Old Russian monuments are discussed in order to show the aspectual indefiniteness of this verb as the basis of both perfective and imperfective aspectual values of the modern *bežat'*.

Keywords: *bežat'*, *běžati*, biaspectual verb, verbal aspect, Old East Slavic language.

1. Как известно, в русском языке существует ряд глагольных лексем, словоформы которых — все или часть из них — употребляются как в имперфективных, так и в перфективных контекстах. В специальной литературе их принято называть биаспективами или двувидовыми глаголами. Большинство биаспективов является результатом процесса заимствования из неславянских языков. Немалочисленная группа двувидовых глаголов иноязычного происхождения многократно изучалась с точки зрения их морфологической деривации и грамматической видовой характеристики. Для них характерно образование при помощи суффиксального элемента *-ова-* или его расширенных вариантов *-ирова-*, *-изова-*, *-изирова-* [1, 14, 17, 3, 16, 4, 2, 6, 18, 15].

Кроме заимствованных биаспективов, в русском языке присутствует группа биаспективов славянского происхождения, как, например, глаголы *велеть*, *венчать*, *женить*, *казнить*, *обещать*, *ранить*, *родить* и д. В нее входит и глагол движения *бежать*, хотя не всегда наличествует в списке глаголов данной группы, может быть потому, что в современном русском языке двойная интерпретация его видового статуса допускается лишь в значениях «совершать / совершить побег», «спасаться / спастись бегством». Иными словами, «различия в видовой принадлежности могут также коррелировать с разными лексическими значениями полисемичного глагола (как в случае *бежать*)» (10; 167)¹.

По данным Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) глагол *бежать* используется в многочисленных контекстах, сочетающихся с семантикой как совершенного, так и несовершенного вида. Сам факт, что в приложенных к словоформам аннотациях корпуса чаще всего омонимия не снимается и указываются обе возможные интерпретации (НСВ и СВ), свидетельствует о том, что за исключением случаев ярко выраженной видовой семантики к каждому примеру употребления необходима специфическая интерпретация видового значения глагольной формы в контексте предложения.

Приведем два примера², в которых глагол *бежать* интерпретируется как глагол совершенного вида:

1) *Наиболее дельным и практичным оказался младший, Леопольд. Восемнадцати лет он навсегда бежал из дома.* [Сергей Довлатов. Наши (1983)]

2) *Встреча с Николаем Владимировичем произошла в конце 1944 года, после того как мы, [...] пережив очередную бомбежку, бежали с фабрики.* [Даниил Гранин. Зубр (1987)]

В других случаях вид глагольной формы скорее всего несовершенный, так как действие при множественном субъекте повторяется в течение определенного сегмента времени:

3) *Как вы знаете, в тридцать девятом польские евреи бежали от Гитлера в СССР...* [Дина Рубина. Медная шкатулка (2015)]

4) *Российская граница близко — тридцать километров. Но многие евреи, особенно обеспеченные, не хотели эвакуироваться [...] Бежали только самые бедные...* [Юлия Вишневецкая. Последние люди Холокоста // «Русский репортер», 2012]

В данных примерах *бежать* имеет значение «убегать / убежать», т. е. «самовольно отдаляться от какого-либо места», чаще всего с целью спасти себя. Тот факт, что в предложении всегда присутствует — в качестве аргумента (т. е. обязательного участника ситуации) глагольной группы — указание на точку (место, человек, обстоятельство), откуда или куда происходит перемещение субъекта, является важным семантическим элементом для определения акциональной характеристики глагольной формы. В Толковом словаре русского языка Н. Ю. Шведовой к двувидовому глаголу *бежать* указывается префиксальный коррелят *убежать* (4; 115). Иначе говоря, в русском языке имеются несколько видовых пар, обозначающих вышеуказанное предельное действие и соответствующих глаголу *бежать*: *убегать / убежать*, *бежать / убежать*, *убегать / бежать*.

2. Итак, *бежать* является глаголом с усиленной семантикой предела в значении «спасаться / спастись бегством». Сам В. И. Даль указывал, что «в значении самовольной отлучки, *бежать* выражает однократное исполнение, а *бегать* многократное и бывшее» [5; Т. 1, 369].

Существует достаточно надежный способ определения видового значения словоформ биаспектива: его формы деепричастия несовершенного и совершенного вида показывают, какому виду принадлежит сама форма в соответствующем контексте одновременности или последовательности по времени соотносимых действий [18]. Как известно, в современном русском языке деепричастие несовершенного вида *бежать* практически не употребляется: по данным НКРЯ форма *бежа* используется в крайне редких случаях в текстах вто-

рой половины XVIII и XIX вв., а в текстах XX в. почти исчезает. Наоборот, деепричастие совершенного вида *бежав / бежавши* употребляется редко, но регулярно вплоть до нашего времени.

См. об этом таблицу (табл. 1):

Таблица 1

Встречаемость форм деепричастия совершенного вида от *бежать* в текстах со второй половины XIX в. (по данным НКРЯ)³

<i>бежав / бежавши</i>	66 / 14
1850—1899 гг.	5 / 9
1900—1949 гг.	31 / 5
1950—2017 гг.	30 / –

Данные формы деепричастия выражают предшествование действия, описанного деепричастным оборотом, по отношению к действию главного предложения, т. е. они являются, несомненно, формами деепричастия совершенного вида.

Приведем два примера с деепричастием *бежав*:

5) *Родители, бежав из России, потеряли все свои деньги, были очень бедны.* [Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дальше века... (1999—2003)]

6) *мать, бежав с любовником, оставила его на попечение своей сестры* [Наталья Ерофеева. Леннон был не из рабочих (2002) // «Вечерняя Москва», 10.01.2002]

3. Перейдем к истории глагола. Анализ примеров использования глагола *бѣжати* в ранних восточнославянских текстах показывает, что чаще всего он имел значение добровольного однократного отдаления из одного места в другое. Об этом свидетельствуют *Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.* (11; Т. 1, 360—362) и *Словарь русского языка XI—XVII вв.* (12; Т. 1, 90), а этимологический словарь связывает глагол с индоевропейской основой **bheg^u*, к которой относятся также латинский глагол *fugio* («убегаю») и греческие глаголы *φεύω* («убегаю»), *φεβομαι* («спасаюсь бегством»), *φοβέω* («обращаю в бегство») [13; Ч. 1, 82].

По данным Древнерусского подкорпуса НКРЯ, кроме редчайших форм аориста бесприставочных глаголов *бѣгнути*⁴ и *бѣчи*⁵, в текстах встречается небольшая, но значительная группа аористов (больше всего 3-го лица: *бѣжа, бѣжаши*) от глагола *бѣжати* в аблативном значении «убегать / убежать». Это же значение выражали и аористы приставочного глагола *побѣгнути*. Как известно, в раннюю эпоху письменности аорист употреблялся преимущественно в повествовательных жанрах и чаще всего в летописных произведениях. Он не был охарактеризован по виду, его можно встретить при глагольных формах так совершенного, как и несовершенного вида; однако, его характеристика прошедшего времени, не соотносимого с настоящим, и событийный характер выраженных им действий сочетаются чаще всего с глаголами совершенного вида или, по крайней мере, интерпретируемыми как таковыми [7; 167]. Кроме того, сам глагол *бѣжати*, будучи бесприставочным глаголом, являлся «неохарактеризованным по виду» [9; 166], также как и глагол *ити* вместе с большинством бесприставочных глаголов древнего периода восточнославянского языка [8; 419]. В связи с этим значение «однократного отдаления» из определенной точки и временная форма аориста придавали большинству аористных форм от *бѣжати* семантику совершенного вида.

Приведем примеры:

7) *и на тоу (ж) ноць бѣжа мьстисла(в) из города* [Новгородская 1-я летопись. Синодальный список (1016—1330)]

8) *моисги же оуби егуптанина бѣжа изъ егупта. и приде в землю мадиамьску* [Повесть временных лет (XI—XII вв.)]

9) *в то же ль(т) бѣжаши Торци Берендичи из Рускыѣ земли* [Суздальская летопись (1111—1305)]

10) *и побѣже изаславъ . а половци бѣжаши в поле* [Киевская летопись (1119—1199)]

Здесь встречаются как контекст цепи последовательных событий в прошлом — типичный для совершенного вида (8), так и контекст, поддающийся противоположной по виду интерпретации (10). Кроме того, использование в одном предложении форм аориста от *бѣжати* и *побѣгнути* в значении «убегать / убежать» (10) говорит о том, что для данного этапа развития видовой системы можно предполагать — в некоторых контекстах — существование коррелятивного соотношения по виду между этими двумя глаголами.

Статистика форм аориста, имперфекта, действительного причастия настоящего и прошедшего времени в Древнерусском подкорпусе НКРЯ показывает, что от *бѣжати* образуется больше форм аориста (123 / 63)⁷, чем форм имперфекта (3 / 5), больше форм причастия настоящего времени (37 / 2), чем форм причастия прошедшего времени (9 / 12). Соотношение форм аориста и имперфекта, с одной стороны, и причастия настоящего и прошедшего времени, с другой, показывает неоднородную видовую характеристику глагола в употребленных формах. Кроме того, глагол образует формы презенса (4 / 11)⁸ и не сочетается с фазовыми глаголами, т. е. в ряде случаев он ведет себя как глагол с имперфективной семантикой — в отличие от примеров (7) — (9) и других многочисленных случаев, где контекст явно перфективный.

Например, причастие настоящего времени в (11) и презенс в (12) четко охарактеризованы видовым значением несовершенного вида:

11) *Того(ж) ль(т) яша Глговича Стбслава бѣжаща из Нова города* [Суздальская летопись (1111—1305)]

12) *слышавъ же фараунъ. яко бѣжати лю(д)е. погна по нихъ* [Повесть временных лет (XI—XII вв.)]

4. Итак, в восточнославянских текстах раннего периода глагол *бѣжати* употреблялся чаще всего в виде аориста и причастия настоящего времени в значении «убегать / убежать». Поскольку он не был охарактеризован по виду, формы аориста встречаются в контекстах как совершенного, так и несовершенного вида. Кроме того, в контекстах несовершенного вида он мог коррелировать с приставочным глаголом *побѣгнути*. Данная видовая характеристика глагола, обрисованная по данным восточнославянских памятников, лежит в основе двувидовости глагола *бежать* в современном русском языке в значении «спасаться / спастись бегством» и встречается в контекстах как совершенного, так и несовершенного вида.

Такое употребление биаспектива *бежать* считается редким, но оно продолжается без резких и долгих перерывов в текстах всего XX столетия. В связи с этим, как нам кажется, стоит изучать настоящее и будущее использование глагола в рамках вопроса о биаспективах в современном русском языке.

Примечания

¹ Также по словам Е. А. Горобец: «...двувидовость может быть свойственна глаголу не во всех его лексических оттенках. Например, *бежать* является двувидовым только в значении «спасаться (спастись) бегством» (3; 265).

² Все примеры взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ, www.ruscorpora.ru).

³ В колонне справа указывается через дробь число найденных форм деепричастия *бежавши*.

⁴ Приведем пример с формой аориста от бесприставочного *бѣгнути*: «*Слышавъ же короля Михаилъ. вдавъ дочь за снѣ его и бѣже*» [Галицкая летопись (1201—1260)].

⁵ По грамматическим разметкам НКРЯ в примере «*Ярославъ же бѣже на лахы · и прииде берестью*» [Повесть временных лет (XI—XII вв.)] встречается форма аориста бесприставочного глагола *бѣчи*. Инфинитив данного глагола читается и в 1-й Новгородской летописи («*и присла кнѣзь олеѣандръ послы к новгородцемъ. хота бѣчи в новѣгоро(д)*») [Новгородская 1-я летопись. Синодальный список (1016—1330)]. Относительно глагола *бѣчи* (**бѣгти*) напомним еще о формах *бѣгчи*, *бѣгти*, *бѣчь*, встречаемых в говорах [5; Т. 1, 369].

⁶ В рамках данной статьи не будем принимать во внимание употребление приставочного глагола *побѣжати*, поскольку в ранних восточнославянских текстах его формы встречаются в незначительном количестве. В Древнерусском подкорпусе НКРЯ насчитывается всего три формы аориста в оригинальных памятниках, а в переводной *Истории Иудейской войны Иосифа Флавия* (XIII в.) — лишь одна форма.

⁷ Данные взяты из [9; 167]. Первая цифра в скобках указывает на количество найденных форм по оригинальным памятникам, а вторая (через дробь) — по переводным.

⁸ Относительно презенса цифры даются также, как и предыдущие, по оригинальным и переводным памятникам.

Список литературы

1. *Авилова, Н. С.* Образование видовой корреляции у глаголов, имеющих двувидовое значение / Н. С. Авилова // *Виноградов В. В., Шведова Н. Ю. (ред.). Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Глагол, наречие, предлоги, союзы в русском литературном языке XIX века.* — Москва. 1964. — С. 34—44.

2. *Андросюк, Н. В.* Биаспектив и контекст / Н. В. Андросюк // *Бенакьо Р. (ред.). Глагольный вид: грамматическое значение и контекст.* — München, 2015. — С. 21—34.

3. *Горобец, Е. А.* Статус двувидовых глаголов в современном русском языке / Е. А. Горобец // *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки.* — 2007. — Т. 149. — Кн. 2. — С. 263—271.

4. *Горобец, Е. А.* Биаспективы в «Толковом словаре русского языка» (под ред. Н. Ю. Шведовой, 2007) / Е. А. Горобец // *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки.* — 2011. — Т. 153. — Кн. 6. — С. 111—118.

5. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — Москва, 1903—1909 / 2000.

6. *Зализняк, А. А.* Русская аспектология: в защиту видовой пары / А. А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелёв. — Москва, 2015.

7. *Мишина, Е. А.* Семантика глаголов и семантика времен в древнерусском и старославянском языках (в свете взаимодействия с аспектуальной семантикой) / Е. А. Мишина // *Китадзэ М. (ред.). Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития : сб. статей V Международной*

конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. — Киото, 2015. — С. 164—170.

8. Мишина, Е. А. Об особых употреблениях форм аориста и действительного причастия прошедшего времени в древнерусских летописях / Е. А. Мишина // Молдован А. М. (ред.). Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая — 1 июня 2016 г.). — Москва, 2016. — Вып. 11. — С. 418—436.

9. Мишина, Е. А. К вопросу о видовой семантике простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке / Е. А. Мишина // Русский язык в научном освещении. — 2018. — № 1, 35. — С. 161—182.

10. Плунгян, В. А. К списку двувидовых глаголов в русском языке: история *пасть* / В. А. Плунгян // Benacchio R., Muro A., Slavkova S. The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization. — Firenze, 2017. — С. 167—182.

11. Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. — Москва, 1988. — Вып. 1. — С. 360—362.

12. Словарь русского языка XI—XVII вв. — Москва, 1975. — Вып. 1. — С. 90.

13. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. — Москва, 1993. — Ч. 1. — С. 81—82.

14. Черткова, М. Ю. Эволюция двувидовых глаголов в современном русском языке / М. Ю. Черткова, Пей-Чи Чанг // Russian Linguistics. — 1998. — № 22. — С. 13—34.

15. Dickey, S. A Dynamic Systems Approach to Biaspectual Verbs in Russian / S. Dickey // Book of Abstracts. 15th Slavic Cognitive Linguistics Conference, 12—14 October 2017, Institute for Linguistic Studies. — St. Petersburg, 2017. — С. 12.

16. Janda, L. What Makes Russian Bi-Aspectual Verbs Special? / L. Janda // Divjak D., Kochanska A. (eds.). Cognitive Paths into the Slavic Domain. — Berlin ; New York, 2007. 38. — С. 83—110.

17. Jászay, L. Видовые корреляты при двувидовых глаголах / L. Jászay. Studia Russica. — 1999. XVII. — С. 169—177.

18. Piperski, A. Between imperfective and perfective: quantitative approaches to the study of Russian biaspectual verbs / A. Piperski. Available at: https://www.academia.edu/21426579/Between_imperfective_and_perfective_quantitative_approaches_to_the_study_of_Russian_biaspectual_verbs [14.08.2018].

Л. А. Дмитрук

ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», г. Кострома, Россия

lyudmila-dmitruk@mail.ru

К ИСТОРИИ МОДАЛЬНОЙ ЧАСТИЦЫ ПѢТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

В статье на материале комических произведений XVIII в. рассматривается история одной из модальных частиц того времени: проясняется ее семантика, генезис, функционально-стилистические особенности, анализируется путь продвижения лексемы сквозь языковые слои в русском языке рубежа XVIII—XIX вв. и на современном синхронном срезе.

Ключевые слова: история русского литературного языка, служебные слова, частица пѣть, диалектная лексика, просторечие, архаизм.

Dmitruk Lyudmila Alexandrovna, Kostroma State University, Kostroma, Russia

lyudmila-dmitruk@mail.ru

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research

Project № 18-012-00809 А «Dialectic study of the vocabulary and onomastics of the Kostroma Region»

To the history of the modal particle «пѣть» in russian language

The article, based on the materials of comic works of the XVIII century, shows the history of one of the modal particles of that time: its semantics, genesis, functional-stylistic features are clarified, the way of promoting the lexeme through the linguistic layers in the Russian language at the turn of the XVIII—XIX centuries and modern times is analyzed.

Keywords: history of the Russian literary language, official words, a particle «пѣть», dialectal vocabulary, vernacular, archaism.

Лексика и грамматика любого мирового языка представляют собой неразделимое целое, некий конгломерат обособленных, но в то же время взаимосвязанных и взаимообусловленных систем — языковых уровней. В. В. Виноградов писал об этом так: «Слова на той или иной стадии развития образуют внутренне объединенную систему морфологических и семантических рядов в их сложных соотношениях и пересечениях» [1]. По мысли В. В. Виноградова, лексическая система русского языка в разные периоды его истории ещё до конца не изучена. Остаются неисследованными общие закономерности смены исторических периодов, языковые процессы, происходящие внутри каждого из них. Между тем, «только при полном воспроизведении истори-